

(ПП: Число 18 (十八, shíbā) в китайской культуре - счастливое число, потому что оно созвучно фразе «верно разбогатеть» (正, shí fā) или «непреренно разбогатеть» (正正).)

Чжоу Сяолэ изначально думал, что Сюй Гуань, с его учтивой, книжной внешностью, похож на учёного, который держится подальше от кухни; кто бы мог подумать, что он справляется вполне неплохо.

Чжоу Сяолэ взял крупный кусок имбиря, вымыл и нарезал тонкой соломкой. С ножом он обращался очень хорошо: вода ещё не успела закипеть, а несколько кусков имбиря уже были в два-три движения нарезаны. Он отложил нож, и заняться стало особо нечем. Вспомнив дневной фарс, он подумал, что Сюй Гуань как самый невиновный из пострадавших оказался втянут в это дело, и Чжоу Сяолэ всё же чувствовал перед ним некоторую вину.

Немного подумав, он осторожно подбирая слова сказал:

— Сегодня семья Чжоу Дэжуна устроила шум в родовом храме... ты ведь догадался, что они хотят принудить тебя к помолвке со мной?

Сюй Гуань кивнул.

— Когда пришёл в родовой храм и увидел Чжоу Дэ... твоего старшего дядю, догадался.

— Он теперь уже не мой старший дядя. Семья разделена, впредь мы будем общаться только как односельчане. При встрече назвать его старшим дядей Чжоу - и так будет большой честью для него.

Чжоу Сяолэ совсем не хотел больше иметь дела с этой семьёй. Он помолчал немного, затем с извинением сказал:

— Прости. Ты ведь спас меня, а в итоге тебя втянули в это и вынудили со мной обручиться.

Сюй Гуань легко покачал головой.

— Ничего.

Чжоу Сяолэ немного удивился. Не слишком ли легко с ним договориться? Его обманом втянули в дело всей жизни, а он только и сказал: «Ничего»?

Чжоу Сяолэ не удержался от любопытства, присел рядом с Сюй Гуанем и спросил:

— Тебе правда всё равно?

Сюй Гуань никогда ни с кем не оказывался так близко, поэтому ему стало немного неловко. Делая вид, что берёт дрова, он тихонько отодвинулся в сторону.

— Тебя тоже заставили обручиться... поэтому тебе не нужно чувствовать себя виноватым.

Его маленькое движение не ускользнуло от глаз Чжоу Сяолэ. В душе ему стало немного смешно: похоже, Сюй Гуань тоже не смог так быстро привыкнуть к новой роли. Самому неловко - это, конечно, правда неловко, но когда видишь, что другому тоже неловко, почему-то сразу становится легче. Чжоу Сяолэ в душе хотел рассмеяться, и на лице у него тоже появилась лёгкая улыбка:

— А ты умеешь смотреть на вещи широко.

Не умеет он так - давно бы умер где-нибудь в неизвестном углу, подумал Сюй Гуань. До сегодняшнего дня он дожил именно потому, что умел смиряться.

Сюй Гуань тихонько ломал в руках деревянную веточку и, снова и снова обдумав что-то в душе, нерешительно сказал:

— Этот брак не был твоим желанием. Если в будущем ты встретишь... любимого человека, я могу написать письмо о разводе и отпустить тебя на свободу.

Чжоу Сяолэ подумал, что в этой эпохе его жизненное желание - зарабатывать деньги и нормально жить, а о каком-то любимом человеке он и не мечтает. Но такого сказать было нельзя, поэтому он лишь улыбнулся и ответил:

— Хорошо.

Вода закипела. Чжоу Сяолэ бросил туда имбирную соломку, и запах имбиря сразу ударил в нос. Он взял длинную ложку и медленно помешал; Сюй Гуань в такт ему сделал огонь поменьше, чтобы отвар спокойно кипел и вкус имбиря стал насыщеннее.

Называлось это «имбирный чай», но на деле это была имбирная вода. В доме Чжоу Сяолэ не нашлось бы и одного чайного листка, так что оставалось хотя бы имбирной водой прогнать холод.

Имбирная вода быстро сварилась. Чжоу Сяолэ взял несколько больших чаш, разлил отвар и оставил немного остыть, чтобы потом отнести.

— Эту чашу выпей ты. Я видел, у тебя кончики волос мокрые, не хватало ещё простудиться.

Чжоу Сяолэ поставил две чаши на поднос, а оставшуюся отдал Сюй Гуаню.

— Спасибо.

Он уже собирался нести поднос, когда снаружи как раз вошла Цинь Сань-нян. Увидев их двоих, она на мгновение замерла, а потом взяла поднос из рук Чжоу Сяолэ и с улыбкой сказала:

— Я отнесу. Лэ-гэр, ты тоже скорее выпей чашу имбирного отвара, чтобы согреться. Ты ведь Сюй Гуань? Зови меня, как Лэ-гэр, тётушкой Сань-нян - и всё.

Сюй Гуань поспешно кивнул:

— Тётушка Сань-нян.

— Хорошо, хорошо, — с улыбкой откликнулась Цинь Сань-нян. — Лэ-гэр, ужином потом не занимайся. Твоя невестка Лю уже готовит, через немного времени Чуся принесёт. Сюй Гуань, ты тоже не возвращайся хлопотать дома, поужинаешь здесь. Всё равно ваш брак уже назначен, деревенских болтунов можно не бояться.

Ужин вышел невиданно оживлённым. Помимо Чжоу Чуся, сидевшего рядом с полным любопытства лицом, пришли даже Чжоу Гуй, Чжоу Юнь и невестка Лю; все с улыбками сидели за столом и ели. Сюй Гуань не смел даже тянуться к блюдам: ел только то, что стояло прямо перед ним. Риса съел немного, зато воды выпил больше всех.

Цинь Сань-нян проглотила рис и с улыбкой спросила:

— Сюй Гуань, у тебя дома ещё есть родные?

Сюй Гуань отложил палочки и коротко рассказал всем о себе:

— Я с севера. В ранние годы в семье случилась беда, остался только я один. Так и шёл всё дальше на юг. Мне понравились местные обычаи и нравы, три месяца назад я поселился в деревне Цяньлю. Сейчас живу тем, что выращиваю свиней. Ещё немного умею охотиться, время от времени хожу в горы добыть что-нибудь, чтобы был дополнительный доход.

Цинь Сань-нян, услышав это, поняла, что Сюй Гуань тоже бедный ребёнок: на вид ещё молод, а судьба уже так изломала его. Впрочем, он умеет разводить свиней, да ещё и охотиться; если Лэ-гэр выйдет за него, жить будет не так уж плохо. Цинь Сань-нян улыбнулась и сказала:

— Хороший ребёнок. Теперь спокойно обустраивайся в деревне Цяньлю и живи с Лэ-гэром как следует. Впредь у вас будут хорошие дни!

От этих слов Сюй Гуань ещё сильнее смутился, поспешно закивал, соглашаясь, поднял чашу с водой и сделал ещё глоток.

Чжоу Гуй рядом спросил:

— Сюй Гуань, сколько тебе лет?

— Уже исполнилось восемнадцать, — ответил Сюй Гуань.

— Как раз возраст жениться, — сказала Цинь Сань-нян. — Вы, младшие, в свадебных делах не разбираетесь. Сюй Гуань, сходи к тётушке Цзи: это третий дом слева от большого баньяна в деревне. Она у нас самая известная сваха в нескольких окрестных деревнях. Если чего-то не понимаешь, пусть она тебе расскажет. Хоть у вас обоих родителей уже нет, но обряды и приличия пропускать нельзя!

Услышав это, Чжоу Сяолэ сразу почувствовал, что дело не годится. Если всё устраивать всерьёз, понадобятся и свадебные дары, и пир - всё это деньги. Не было причин заставлять Сюй Гуаня так тратиться. Чжоу Сяолэ изначально думал накрыть несколько столов для вида, оформить брачную бумагу и на этом закончить.

Но по словам Цинь Сань-нян выходило, что свадьбу всё же надо делать по-настоящему? От одной мысли у Чжоу Сяолэ разболелась голова. Он ведь не хотел сначала втянуть Сюй Гуаня в эту историю, а теперь ещё и вытянуть из него деньги. В конце концов они всё равно собирались потом развестись, значит, чем проще будут эти обряды, тем лучше.

Но Цинь Сань-нян было не так-то просто обмануть. Чжоу Сяолэ прижал язык к зубам и осторожно спросил:

— А эти обряды... нельзя ли обойтись без такой мороки?

Цинь Сань-нян тут же бросила на него укоризненный взгляд и сказала:

— Что ты такое говоришь, ребёнок? Это всё положенные обряды, на них нельзя экономить. Если сэкономить на таком, можно испортить весь брак!

Договорив, она вспомнила, что в доме Чжоу Сяолэ, возможно, почти не осталось денег, и добавила:

— О деньгах ты не думай. Спокойно будь гэрмом, которого выдают замуж, и всё. Пока есть я и твой дядя Гуй, наш дом будет тебе родительским домом!

Чжоу Гуй рядом тоже с доброй улыбкой поддакнул:

— Слушай свою тётушку Сань-нян.

Сказать, что Чжоу Сяолэ не был тронут, было бы ложью, но и голова от этого болела по-настоящему. Семья Цинь Сань-нян жила неплохо, но ведь и эти деньги были накоплены понемногу, ценой постоянной бережливости; Чжоу Сяолэ никак не мог принять их помощь как должное.

Он сказал:

— Пир устроить нужно, но можно скромнее: позвать только близких знакомых. Обряды всё равно соблюдём, просто сделаем проще, и брак это не испортит. Тётушка Сань-нян, как вам такое?

Увидев, что Цинь Сань-нян поколебалась, Чжоу Сяолэ тут же усилил довод и втянул Сюй Гуаня на свою сторону:

— Сюй Гуань, как считаешь?

Сюй Гуань всегда слушал, что говорят другие. Раз Чжоу Сяолэ спросил его мнение, он только кивнул: во всём пусть решает Чжоу Сяолэ.

Раз уж Сюй Гуань тоже согласился, Цинь Сань-нян больше не стала уговаривать. В конце концов, пир всё равно будет, обряды тоже, значит, можно не бояться, что брачная судьба испортится.

Раз решили делать проще, слишком сложные этапы были не нужны. Помолвку уже утвердили в родовом храме, значит, сватовство можно было опустить. Сюй Гуаню нужно лишь пригласить тётушку Цзи как сваху, чтобы обменяться брачными карточками с датами рождения, погадать и сверить восемь иероглифов судьбы, затем принести свадебные дары, выбрать благоприятный день для свадьбы и устроить пир - тогда брак будет заключён. Эти этапы нельзя было пропустить. Чжоу Сяолэ изначально хотел оформить брачную бумагу, выбрать день и сразу устроить пир, а всякие сверки восьми иероглифов и свадебные дары сэкономить, но сам понимал, что это невозможно. Ведь люди этой эпохи женились именно так, по установленному порядку, не то что в прошлой жизни, где можно было даже не устраивать застолья - получил свидетельство, и дело закончено.

□□*

Дел, связанных со свадьбой, оказалось много. Хотя Цинь Сань-нян помогала во многом, дома не было старших, а единственная старшая сестра хотела помочь, но сил у неё не хватало, поэтому большинством хлопот Чжоу Сяолэ приходилось заниматься самому.

Из-за этого лоток с чанфэнь два-три дня не ставили. Чжоу Сяолэ решил выйти торговать уже в следующий рыночный день: всё-таки свадьба требовала немалых расходов, а сейчас его сбережения вместе с деньгами, которые старшая сестра накопила вышивкой, составляли всего около тысячи вэней. К тому же большая часть полей, засеянных в середине года, была родовой

землѐй. Раз родовое имущество досталось Чжоу Дэжуну, урожай на этих полях он, конечно, тоже не отдаст.

Оставшиеся несколько му земли Чжоу Сяолэ примерно прикинул: после уплаты налога урожая как раз хватит на год, но с деньгами всё равно будет туго.

Когда Чжоу Сяолэ досчитал последний медяк, Чжоу Цинцин протянула ему тканевый свёрток и улыбнулась:

— Этот лоток с чанфэнь и правда хорошо идѐт. Я полмесяца вышиваю узоры, а всё равно не зарабатываю столько, сколько ты за эти дни на чанфэнь.

— В ярмарочный день выходит больше. Но сейчас видов чанфэнь слишком мало, если есть часто, приедается. На следующий ярмарочный день сделаю новые варианты и пойду торговать, — Чжоу Сяолэ тоже был доволен, а потом вдруг вспомнил прежнее обещание. — Несколько дней назад я ещё сказал гостям, что выпущу новые виды. Тогда, наверное, людей придѐт немало.

Чжоу Цинцин сказала:

— В эти дни тебе нужно и свадьбой заниматься, и лоток ставить. Только не вздумай перенапрягаться, здоровье важнее всего.

Чжоу Сяолэ кивнул:

— Знаю, старшая сестра, не волнуйся. Тебе сейчас главное как следует беречь здоровье. В день свадьбы ведь тебе ещё чай от меня принимать.

— Хорошо, хорошо, будь спокоен.

Чжоу Сяолэ убрал медяки и пошѐл на кухню готовить хунцзымо. Брачными карточками уже обменялись, сейчас сверяли восемь иероглифов судьбы и высчитывали день. Сегодня Сюй Гуань вместе со свахой должен был прийти с брачными деньгами, и по местному обычаю Чжоу Сяолэ должен был приготовить несколько красных булочек хунцзымо и отправить им в ответ.

Хунцзымо Чжоу Сяолэ делать не умел. Цинь Сань-нян пришла и показала ему на нескольких штуках, а остальные Чжоу Сяолэ должен был приготовить собственными руками. Готовить хунцзымо было несложно; самым хлопотным было отбить клейкий рис. Для этого несколько мужчин по очереди били его большим деревянным молотом, пока в массе не оставалось ни единого рисового зѐрнышка.

Отбитый клейкий рис собирали в ком, затем с силой шлёпали о стол, расплющивая в лепѐшку. В конце красную бумагу смачивали водой и ставили на поверхности красную точку или

отпечатывали иероглиф «счастье». Когда всё высохло, хунцзымо считались готовыми.

Сами по себе хунцзымо почти не имели вкуса, но если при жарке или запекании посыпать их щепоткой соли, то при укусе сначала чувствовалась хрустящая корочка, а потом тягучая мягкость клейкого риса, да ещё с лёгкой солоноватостью - вкус был отличным.

Чжоу Сяолэ сделал больше десяти штук; вместе с теми несколькими, что приготовила Цинь Сань-нян, набралось ровно восемнадцать. Это означало пожелание новобрачным в будущем по-настоящему разбогатеть.

— Восемнадцать - значит, верно разбогатеют, — сказала Цинь Сань-нян.

Когда хунцзымо подсохли, Чжоу Сяолэ сложил их в корзину, а Цинь Сань-нян подошла и перевязала её двумя красными шнурами - всё было готово.

<http://bllate.org/book/17639/1691435>